

Р.М. Зиганьшин

ИБ РАН

**Постижшие Дао и совершенномудрые
в трактате *Дао дэ цзин***

Несомненно, что древний даосский трактат *Дао дэ цзин* содержит в себе много загадок, как и многие другие древние мистические и религиозные памятники. К разгадке одних из них человечество только начинает приступать, одновременно с этим, возможно, утрачивая понимание других тайн. Этот своеобразный замкнутый круг неизбежно сопровождает многие другие древние памятники, подобные *Дао дэ цзину*, поскольку такова природа человеческого знания: открывать (или воссоздавать на основе древних текстов) знания на данный момент актуальные, и забывать те, которые кажутся «ненужными и неактуальными». В данной статье предпринята попытка прокомментировать некоторые высказанные в этом трактате мысли про «совершенномудрых» и «постижших Дао».

В китайской традиции, как и в других традиционных обществах, было особое отношение к людям одарённым, способным к тому, что трудно или совсем непостижимо другим. В Китае это выражалось в форме способности «постичь Дао». Постигание Дао всегда было особым путём нравственного, духовного, физического, интеллектуального самосовершенствования – Пути (т.е. Дао) необычайно трудного, требующего высочайшего самопожертвования, самоограничения, подвижничества. Дао, как известно, невозможно выразить словами и зафиксировать в мыслях, а если можно, то временно: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао» [*Дао дэ цзин*, § 1]. Тем не менее, оно всегда было своеобразным маяком, неуловимым непостижимым для простых людей ориентиром, но по различным иносказательным признакам указывающим путь, способ, направление... «Дао бестелесно. Дао туманно и неопределённо.

© Зиганьшин Р.М., 2014

Однако в его туманности и неопределённости содержатся образы. Оно туманно и неопределённо. Однако в его туманности и неопределённости скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью. С древних времён до наших дней его имя не исчезает. Только следуя ему, можно познать начало всех вещей» [Дао дэ цзин, § 21].

Это одно из важнейших категорий китайской философии, которое обычно переводят как «Путь». Кроме того, это понятие определяют как «подход», «график», «функция», «метод», «закономерность», «принцип», «класс», «учение», «теория», «правда», «мораль», «абсолют» [2; с. 90]. Это Первопричина всех вещей и явлений в мире, видеть которую дано далеко не каждому: «Тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [Дао], а кто имеет страсти, видит только его в конечной форме» [Дао дэ цзин, § 1]¹. «Придерживаясь древнего Дао, чтобы овладеть существующими вещами, можно познать древнее начало. Это называется принципом Дао» [Дао дэ цзин, § 14]. Таким образом, избавление от страстей, так свойственных людям, способствует пониманию Первоначала и, как следствие, «овладению вещами»: «Совершенномудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится» [Дао дэ цзин, § 2]. «Недеяние» здесь следует понимать как сверхдеяние, деяние, недоступное другим. Чтобы вещи изменялись «сами собой» и притом так, как нужно совершенномудрому, ему предварительно предстоит огромная кропотливая работа по самосовершенствованию, познанию Первопричины-Дао и овладению вещами...

Внешне такие люди ничем не отличались от простых смертных: «В древности те, кто был способен к учёности, знали мельчайшие и тончайшие [вещи]. Но другим их глубина неведома. Поскольку она неведома, [я] произвольно даю [им] описание: они были робкими, как будто переходили зимой поток; они были нерешительными, как будто боялись своих соседей; они были важными, как гости; они были осторожными, как будто переходили по тающему льду; они были простыми подобно неотделанному дереву; они были необъятными, подобно долине; они были непроницаемыми, подобно мутной воде...» [Дао дэ цзин, § 15]. Примерно так же Лао-цзы описывает самого себя: «Все люди радостны, как будто присутствуют на торжественном угощении или празднуют наступление весны. Только я один спокоен и не выставляю себя на свет. Я подобен ребёнку, который не

явился на свет... Все люди полны желаний, только я один подобен тому, кто отказался от всего. Я сердце глупого человека. О, как оно пусто! Все люди полны света. Только я один подобен тому, кто погружён во мрак. Все люди пытливы, только я один равнодушен. Я подобен тому, кто несётся в мирском просторе и не знает, где ему остановиться. Все люди проявляют свою способность, и только я один похож на глупого и низкого. Только я один отличаюсь от других тем, что вижу основу в еде» [Дао дэ цзин, § 20].

Естественно, что именно таковыми они кажутся для самых простых людей, поскольку для того чтобы их распознать нужно самому обладать незаурядными данными: «Человек высшей учёности, узнав о Дао, стремится к его осуществлению. Человек средней учёности, узнав о Дао, то соблюдает его, то нарушает. Человек низшей учёности, узнав о Дао, подвергает его насмешке. Если оно не подвергалось бы насмешке, не являлось бы Дао. Поэтому существует поговорка: кто узнает Дао, похож на тёмного; кто проникнет в Дао, похож на отступающего; кто на высоте Дао, похож на заблуждающегося; человек высшей добродетели похож на простого; великий просвещённый похож на презираемого; безграничная добродетельность похожа на её недостаток; распространение добродетельности похоже на её расхищение; истинная правда похожа на её отсутствие» [Дао дэ цзин, § 41].

Итак, согласно этому древнему трактату, «совершенномудрых» среди людей нам никак не опознать, поскольку мы не обладаем особыми талантами и сами «совершенномудрыми» не являемся. Вывод не очень для нас утешительный. Вероятно это вызвано тем, что такие люди очень скромны, а такие обыденные человеческие пороки как чванство, бахвальство, зазнайство, хвастовство, высокомерие и т.п. им чуждо, как людям по-настоящему просвещённым: «Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен. Кто, будучи больным, считает себя больным, тот не является больным. Совершенномудрый не болен. Будучи больным, он считает себя больным, поэтому он не болен» [Дао дэ цзин, § 71]. «Кто сам себя выставляет на свет, тот не блестит. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы. Кто нападает, тот не достигает успеха. Кто сам себя возвышает, не может стать старшим среди других. Если исходить из Дао, всё это называется лишним желанием и бесполезным поведением. Таких ненавидят все существа. Поэтому человек, обладающий Дао, этого не делает» [Дао дэ цзин, § 24].

Теперь зададимся вопросом: для чего же они нужны человеческому обществу, государству, наконец космосу? Что об этом говорит *Дао дэ цзин*? Вовсе не для того чтобы осуществлять гуманность и справедливость, подобно конфуцианскому «благородному мужу»

(цзюнь-цзы): «Небо и Земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам возможность жить собственной жизнью. Совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью» [Дао дэ цзин, § 5].

С этим, казалось бы, не согласуются другие пункты трактата: «Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое – это человеколюбие, второе – бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других» [Дао дэ цзин, § 67]. «Совершенномудрый постоянно умело спасает людей и не покидает их. Он всегда умеет спасать существа, поэтому он не покидает их. Это называется глубокой мудростью. Таким образом, добродетель является учителем недобрых, а недобрые – её опорой. Если недобрые не ценят своего учителя и добродетель не любит свою опору, то они, хотя и [считают себя] разумными, погружены в слепоту. Вот что наиболее важно и глубоко» [Дао дэ цзин, § 27]. Для чего это ему нужно? Человеку совершенному, но человеколюбием не обладающему. Возможно, отгадка таится в следующем отрывке трактата: «Небо и Земля – долговечны. Небо и Земля долговечны потому, что существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными. Поэтому совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это оттого, что он пренебрегает личными [интересами]? Напротив, [он действует] согласно своим личным [интересам]» [Дао дэ цзин, § 7].

В чём же заключаются эти самые «интересы» совершенномудрого? Возможно отгадка таится в следующем высказывании Лао-цзы: «Незнатные являются основой для знатных, а низкое – основанием для высокого. Поэтому знать и государи сами называют себя „одинокими“, „сырыми“ и „несчастливыми“. Это происходит оттого, что они не рассматривают незнатных как свою основу. Это ложный путь. Если разобрать колесницу, от нее ничего не останется. Нельзя считать себя „драгоценным“, как яшма, а нужно быть простым, как камень» [Дао дэ цзин, § 39]. Итак, согласно этому трактату, совершенномудрые должны рассматривать простых людей как свою опору. Это те самые противоположности, которые взаимно обуславливают и порождают друг друга по принципу *инь-ян*. Тем самым мы ответили и на другой вопрос: для чего простые люди нужны совершенномудрому? Подтверждение этому мы находим в следующих пунктах трактата: «Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно; он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной; он не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; он не возвышает себя, поэтому он старший среди

других» [Дао дэ цзин, § 22]. «Совершенномудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа. Добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Таким образом и воспитывается добродетель. Искренним я верен и неискренним также верен. Таким образом и воспитывается искренность. Совершенномудрый живёт в мире спокойно и в своём сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ, как на своих детей» [Дао дэ цзин, § 49].

Мы можем с полным основанием сказать, что Лао-цзы ставит знак равенства между совершенномудрым и настоящим истинным правителем. Им может быть только совершенномудрый. Если же он таковым не является, то в скором времени он погубит либо себя самого, либо всю династию, либо всё государство. Он по определению является неким связующим звеном между народом и Дао. Здесь мы видим прямую связь с концепцией «Мандата Неба», которая окончательно оформилась уже после Лао-цзы и была взята на вооружение конфуцианцами. Конечно далеко не каждый совершенномудрый является правителем, но правитель обязательно должен быть совершенномудрым. Такова его обязанность, выражаясь современным языком, согласно занимаемой должности.

Разделив выше совершенномудрых и простых людей как противоположности по принципу *инь-ян*, мы, возможно, нашли разгадку к следующему очень противоречивому пункту трактата: «В древности те, кто следовал Дао, не просвещали народ, а делали его невежественным. Трудно управлять народом, когда у него много знаний. Поэтому управление страной при помощи знаний приносит стране несчастье, а без их помощи приводит страну к счастью. Кто знает эти две вещи, тот становится примером для других. Знание этого примера есть знание глубочайшего дэ. Глубочайшее дэ, оно и глубоко и далеко. Оно противоположно всем существам, но приводит их к полному соответствию [с ним]» [Дао дэ цзин, § 65]. Вероятно, здесь имеется в виду, что эти противоположности (народ – совершенномудрые) должны оставаться всегда противоположностями и только тогда наступает гармония в государстве. С современной точки зрения, это негуманно, реакционно, препятствует прогрессу и развитию страны. Вопрос здесь в том, что понимает Лао-цзы под «знаниями»? Если это те знания, посредством которых верховный правитель управляет государством, тогда всё встаёт на свои места – такие познания будут вносить только смуту в умы простых людей. Они будут постоянно сомневаться в правильности действий и поступков правителя, что противоречило бы самой сакральности власти – важнейшей её духовно-религиозной составляющей. Им нужны только те знания, которые соответствуют их статусу и необходимы только

для выполнения их функций. Конечно же, это помимо того, что составляет культурную основу народа: песни, предания, сказания, легенды, мифы, обычаи, традиции...

Управление государством как очень сложным социально-политическим образованием – вещь невероятно трудная, от этого зависит благополучие и само выживание, существование общества. Древние мыслители, конечно же, не могли обойти этот вопрос стороной – это мы можем наблюдать практически во всех культурах и цивилизациях мира. Лао-цзы также внёс в это дело свою лепту, оказав пожалуй самое большое и решающее влияние и на Конфуция (а значит, прежде всего, на политическую культуру и традицию государственного управления), и на всю конфуцианскую культуру в целом. Касательно рассматриваемой темы это выражается хотя бы в таком высказывании последнего: «Правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном» [1; с. 268].

Примечание

¹ Здесь и далее *цитаты* из «Дао дэ Цзина» даны в переводе Ян Хиншуна.

Литература

1. Беседы и суждения «Лунь юй»: Пер. с кит. / Науч. перевод *А.Е. Лукьянова*; Поэтич. переложение *В.П. Абраменко*. Институт Дальнего Востока РАН; Исследовательское общество «Тайцзи». – М.: ИД «Форум», 2011.
2. Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994.